

spekyngþ pingis manye bileueden into him [Ин 8, 30]. «Когда он говорил эти вещи (букв.: ему говорящему), многие поверили в него» [8, с. 164–165].

Таким образом, абсолютные причастные обороты в готском являлись «сознательными попытками сформировать синтаксис готской религиозной прозы» [5, с. 71]. Данные обороты не являются кальками, и они органически присущи герман-

ским языкам. Данные древнеанглийского языка свидетельствуют, что абсолютный причастный оборот получил в нем широкое развитие. Без сомнения, абсолютные причастные обороты – своеобразность готского языка, которая позже дала развитие различным конструкциям в других германских языках.

Поступила в редакцию 26.05.2008

Литература

1. Stamm F.L., Heyne M., Wrede F. *Ulfilas, oder die uns erhaltenen Denkmäler der gotischen Sprache*. Paderborn, 1896.
2. Streitberg W. *Gotisches Elementarbuch*. Carl Winter's Universitätsbuchhandlung. Heidelberg, 1920.
3. Wright J., Sayce O.L. *Grammar of the Gothic Language*. (2d ed.) Oxford, 1954.
4. Гухман М.М. *Готский язык*. М., 1958.
5. Дубинин С.И., Бондаренко М.В. *Готский язык*. Самара, 2006.
6. Rauch I. *The Gothic language: grammar, genetic provenance and typology, readings*. New York, 2003.
7. Streitberg W. *Die Gotische Bibel*. Heidelberg, 1910.
8. Ярцева В.Н. *Исторический синтаксис английского языка*. М.-Л., 1961.
9. Balg G.H. *A Comparative Glossary of the Gothic Language with especial reference to English and German*. Halle, 1887.
10. Иванова И.П., Чахоян Л.П. *История английского языка. Учебник. Хрестоматия. Словарь*. СПб., 2006.
11. The Anglo-Saxon version of the Gospel of Luke. The digital edition annotated by Michel van der Hoek. *Euangelium secundum Lucam: The Gospel of Saint Luke in West-Saxon*. Bright, J.W. (ed.). The Belles-lettres series. Section 1. English literature. D.C. Heath & Co.: Boston/London. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.geocities.com/Athens/Academy/4506/>.
12. The West-Saxon version of the Gospel of Mark. The digital edition annotated by Michel van der Hoek. *Euangelium secundum Lucam: The Gospel of Saint Mark in West-Saxon*. Bright, J.W. (ed.). The Belles-lettres series. Section 1. English literature. Boston/London: D.C. Heath & Co, 1905. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.geocities.com/Athens/Academy/4506/>.

Принятые сокращения

Языки: гот. – готский, др.-англ. – древнеанглийский, греч. – греческий, лат. – латинский; грамматические пометы: им. – именительный, вин. – винительный, род. – родительный, дат. – дательный, ед. ч. – единственное число, м. р. – мужской род., п. – падеж.

УДК 811.111'37

Л.А. Петроченко, А.С. Пташкин

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ДЕВИАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Томский государственный педагогический университет

Категоризация представляет собой мыслительную операцию, направленную на формирование категорий как понятий, предельно обобщающих и классифицирующих результаты познавательной деятельности человека. Категории как предельно общие понятия с давних времен изучаются философией. К их числу обычно относят *качество, количество, материю (субстанцию), пространство и время, бытие и сознание, причину и следствие, необходимость, случайность* и т.д. [1, с. 480–481].

В XIX–XX вв. исследователи стали отмечать взаимосвязь между категориями, являющимися объек-

том исследования философии, и языком. Так, В. фон Гумбольдт, рассматривая вопрос о категоризации понятий и способах ее внешнего выражения, писал, что «внутренне обозначение слов содержит атрибуты двоякого характера, и необходимо тщательно их различать. А именно – к самому акту обозначения понятия добавляется еще особая работа духа, переводящая понятие в определенную категорию мышления или речи, и полный смысл слова определяется одновременно понятийным выражением и упомянутым модифицирующим обозначением. < ... > Перевод понятия в определенную категорию мыш-

ления есть новый акт языкового самосознания, посредством которого единичный случай, индивидуальное слово соотносится со всей совокупностью возможных случаев в языке или речи» [2, с. 118].

О. Есперсен считал, что наряду с синтаксическими категориями, или кроме них, или за этими категориями, зависящими от структуры каждого языка в том виде, в каком он существует, имеются еще внеязыковые категории, не зависящие от более или менее случайных фактов существующих языков. Эти категории являются универсальными, поскольку они применимы ко всем языкам, хотя редко выражаются в этих языках ясным и недвусмысленным образом. Он назвал их понятийными категориями [3, с. 57–58].

Анализируя статус понятийных категорий, И.И. Мещанинов указывал на то, что понятийными категориями передаются в самом языке понятия, существующие в данной общественной среде. Эти понятия не описываются при помощи языка, а выявляются в нем самом, в его лексике и грамматическом строе [4, с. 238].

Исследования в данной области получили свое дальнейшее развитие в трудах А.В. Бондарко в связи с разработкой теории функциональной грамматики [5].

Понятийные категории в современном языкознании – это смысловые компоненты общего характера, свойственные не отдельным словам и системам их форм, а обширным классам слов, выражаемые в естественном языке разнообразными средствами. В отличие от *скрытых категорий* и *грамматических категорий*, понятийные категории рассматриваются безотносительно к тому или иному конкретному способу выражения (прямого или косвенному, явному или неявному, лексическому, морфологическому или синтаксическому) [6, с. 385].

Иногда понятийные категории называются в специальной литературе также онтологическими, внеязыковыми, когнитивными, концептуальными, мыслительными, семантическими и т.д.

При этом термин *понятийные, или семантические, категории* используется как единый и вместе с тем как допускающий разные степени (ранги) обобщенности. Иначе говоря, предполагается, что понятийные (семантические) категории могут быть более общими и более частными [7, с. 29].

Если на первом этапе изучения понятийные категории рассматривались, прежде всего, как внеязыковые онтологические структуры, стоящие за структурами грамматики, то в настоящее время ведется работа по изучению категорий, выражаемых не только грамматическими, но и лексическими средствами языка (лексемами, фразеологизмами, аналитическими наименованиями (термин Е.С. Кубряковой) и т.д.) [8–10].

Исследователи отмечают, что наряду с вышеуказанными философскими категориями фактически каждая конкретная наука имеет еще и свою систему категорий [1, с. 481]. В социологии, психологии, лингвистике, юриспруденции, медицине, в точных и технических науках большое внимание уделяется, в частности, изучению категорий *нормы* и *девиации* (отклонения) [11–14].

Проблематика изучения понятийной категории *девиации* связана с определением тех или иных явлений как девиативных (отклоняющихся от нормы). Критерии оценки неоднозначны, поскольку упомянутые явления могут быть отнесены или к плану девиации, или рассмотрены как вполне нормативные. В рамках исследования девиации и средств ее языкового выражения особое значение приобретает понятие *нормы*. Н.Д. Арутюнова рассматривает термин «норма» как родовой, которым обозначаются все виды и формы порядка, как естественные нормы природы, так и созданные человеком правила и законы [15, с. 6]. Частными разновидностями *нормы* являются канон, стандарт, шаблон, тип, стереотип, эталон, образец, среднее (золотая) середина, мера [16, с. 177].

Следует отметить, что существуют различные виды девиации, которые выражаются в английском языке при помощи большого числа слов, относящихся к разным частям речи. Семантический анализ лексики позволил определить круг лексем, репрезентирующих категорию девиации в самом общем смысле. Это лексемы с корнем *devia-* (from pp. stem of late L. *dēviāre* [17]): *deviation* (n), *deviance* (n), *deviancy* (n), *deviant* (a), *deviant* (n), *deviationism* (n), *deviationist* (n), *deviational* (a), *deviate* (v), *deviate* (a), *deviator* (n), *deviatory* (a), etc.

Если в русском языке лексемы «девиация», «девиативный» используются только как научные термины и, следовательно, частотность их употребления в ситуациях повседневной коммуникации невелика, то в английском социуме лексемы, в основе которых лежит корень *devia-*, занимают прочное место в языковом сознании образованных носителей языка.

В связи с когнитивным истолкованием семантики вышеназванных лексем следует отметить, что категория девиации, как и большинство других категорий, существует в виде определенной иерархической системы, в основе которой лежат гиперо-гипонимические отношения. В таких системах, как правило, различают три основных уровня категоризации: высший, средний, или *базовый*, и низший. Особую психологическую значимость имеет *базовый* уровень, поскольку репрезентирующие его языковые единицы в первую очередь усваиваются детьми в процессе овладения языком, образуют основу общеупотребительного словарного запаса

языка, используются в нейтральных речевых контекстах и т.д. По отношению к базовому уровню на вышележащих уровнях указываются общие (абстрактные) имена категории, а на нижележащем – самые конкретные представители той же категории, напр.: домашнее животное – **собака** – охотничья собака [1, с. 481]; мебель – **стол** – операционный или письменный стол [18, с. 309–310].

Между основными уровнями в ряде случаев (по разным критериям) можно выделить промежуточные: соответственно *верхний* и *нижний* по отношению к среднему уровню, напр.: животное – /домашнее животное/ – **собака** – охотничья собака; животное – **собака** – /охотничья собака/ – спаниель; plant – **tree** – /deciduous tree/ – maple/oak, plant – **tree** – /evergreen/ – pine/fir; animal – /mammal/ – **dog** – bulldog/Irish setter [19, с. 201].

Лексемы с корнем *devia-* выражают высший уровень категории девиации. С точки зрения частотности употребления они неравнозначны. Наряду с существительным *deviation* (рус. отклонение, нарушение, отступление, отход) наиболее употребительными являются только лексемы *deviance* (n), *deviant* (a), *deviational* (a), *deviate* (v).

Анализ семантики показывает, что лексема *deviation*, например, не является многозначной. В принципе, можно выделить только два значения: 1) отклонение (в общем смысле) и 2) отклонение от нормы, выразившееся в преступлении, лжи, аморальности, предательстве, согрешении, нарушении традиции, ритуала, стандарта, правила и т.д. При этом второе значение, более конкретное, имеет многовариантный, контекстуальный характер.

Изучение проблем девиации позволяет разделить ее проявления на четыре основные группы: 1) отклонение от норм, установленных законом, моралью, традицией (преступление; нарушение узаконенного, требуемого обществом порядка вещей; несоблюдение норм морали и т.д.); 2) отклонение от каких-либо убеждений, стандартов, планов, правил и т.д.; 3) отклонение от норм психического, физиологического развития и состояния живого существа, в том числе человека; 4) отклонение как результат внешнего воздействия, напр., изменение направления или характера движения живых или неживых объектов, сбой в функционировании приборов, механизмов.

Существуют основания полагать, что основой девиаций третьей и четвертой групп являются причинно-следственные связи между явлениями, при которых одно явление (причина) порождает другое явление (следствие):

«If you are right, it might account for much of the deviation of the compass during the past two days,» I suggested. «Caprona has been luring us upon her deadly rocks. Well, we'll accept her challenge. We'll

land upon Caprona» (Burroughs. The Land that Time Forgot).

В этом контексте в лексеме *deviation* актуализируется такой вариант второго значения, как «нарушение работы компаса и, следовательно, отклонение судна от выбранного курса под воздействием внешних факторов».

В то же время определение явления как девиативного в первой и второй группах может иметь или причинно-следственную, или сугубо *оценочную* основу (законно – противозаконно, морально – аморально, принято – непринято, прилично – неприлично, хорошо – плохо и т.д.). Оценочный подход к определению девиативности может быть проиллюстрирован следующим примером из романа Дж. Голсуорси «Вилла Рубейн»:

“Men of the world” – whose philosophy is a creature of circumstance and accepted things – find any deviation from the path of their convictions dangerous, shocking, and an intolerable bore. Herr Paul had spent his life laughing at convictions; the matter had but to touch him personally, and the tap of laughter was turned off. That any one to whom he was the lawful guardian should marry other than a well-groomed man, properly endowed with goods, properly selected, was beyond expression horrid (Galsworthy. Villa Rubein).

В данном случае речь идет о существующих в определенных слоях общества убеждениях, отступление от которых считается неприемлемым, опасным. Герр Пауль, один из персонажей романа, смеялся над этими убеждениями лишь до тех пор, пока его подопечная не высказала своего желания выйти замуж за человека «не своего круга». Герр Пауль оценил это как ужасное событие, поскольку такое замужество не соответствовало стандартам, принятым в том слое общества, к которому он принадлежал.

Следующий пример показывает, что отход от установленного в семье распорядка жизни тоже расценивается как неприемлемый, недопустимый:

I then made her, according to certain established regulations from which no deviation, however slight, could ever be permitted, a glass of hot wine and water, a slice of toast <...> (Dickens. David Copperfield).

Показательным представляется также еще один пример, перечисляющий разные виды девиации:

Much of today's entertainment, in the theatre and on television, is concerned with violence, crime, broken relationships and sexual deviation, with a generous helping of foul language for good measure! (Horne. Life, Love and Laughter).

В данном случае отмечается, что телевидением и театром в качестве развлечения предлагается большое количество насилия, преступлений, разрушенных родственных отношений, сквернословия и сексуальных девиаций. Эти явления рассматриваются как отклонения от нормы, выражаемые в

языковом плане лексемами *violence*, *crime*, фразеологизмом *foul language* и словосочетаниями *broken relationship*, *sexual deviation*, которые, не являясь фразеологизмами, проявляют, тем не менее, устойчивый характер (аналитические наименования). К последнему типу относятся также словосочетания «домашнее животное», «охотничья собака», «операционный стол», «письменный стол» «*sexual deviation*», «*deciduous tree*» и т.д.

Во всех рассмотренных примерах характер девиаций указывает на второй, или базовый, уровень концептуализации. Имеются также примеры, в которых девиация соотносится с третьим основным уровнем:

Once again it must be stressed that true paedophilia, as a deviation, attaches sexual significance to extreme youth in itself and is exclusive or near-exclusive of other sexual attraction (Stewart. *Sexual Aspects of Social Work*).

В этом случае семантика лексемы *deviation* указывает на конкретную форму сексуальной девиации – педофилию: *deviation – sexual deviation – paedophilia*.

The disorder has been known by several names. In 1977, Dr. John Money, an expert on sexuality at Johns Hopkins University, named it *apotemnophilia* (literally, love of amputation). He considered it a form of *paraphilia* – that is, a sexual deviation (Marantzhenig. *At War With Their Bodies, They Seek to Sever Limbs*).

В данном примере рассматривается отклонение, при котором человек умышленно наносит серьезный ущерб своему здоровью, получая при этом удовольствие сексуального характера: *deviation – sexual deviation – paraphilia, or apotemnophilia*.

Таким образом, анализ средств выражения категории девиации показывает, что это могут быть языковые единицы разного типа – лексемы, устойчивые словосочетания, фразеологизмы. Изучение контекстуальной семантики названных единиц помогает не только выявить структуру и содержание концептуального пространства девиации, но и исследовать определенные аспекты организации мыслительной деятельности человека, направленной на формирование понятий разного уровня.

Поступила в редакцию 23.09.2008

Литература

1. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправ. Мн., 2003.
2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Общ. ред. Г.В. Рамишвили. М., 2000.
3. Есперсен О. Философия грамматики. Изд. 2-е, стереотип. Пер. с англ. / Общ. ред. и предисловие Б.А. Ильиша. М., 2002.
4. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. М.-Л., 1978.
5. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка / Рос. академия наук. Ин-т лингвистических исследований. М., 2002.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.
7. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Под ред. А.В. Бондарко. Л., 1987.
8. Воейкова М.Д. Выражение качественной характеристики человека в русском и немецком языках // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры / Под ред. А.В. Бондарко. СПб., 2005.
9. Родионова С.Е. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры / Под ред. А.В. Бондарко. СПб., 2005.
10. Нагорная Л.А. Способы выражения категории «мера» в английском языке в сопоставлении с русским. Автореферат дисс. ... на соиск. учён. степени кандидата филол. наук. Томск, 2007.
11. Куликова Э.Г. Норма в лингвистике и паралингвистике. Дисс. ... на соискание учён. степени доктора филол. наук. Ростов-на-Дону, 2004.
12. The Blackwell Encyclopedia of Social Psychology / Ed. by A.S.R. Manstead and M. Hewstone. Oxford, 1999.
13. The Cambridge Dictionary of Sociology / Ed. by B.S. Turner. Camb., 2006.
14. The Cambridge Aerospace Dictionary / Comp. by Bill Gunston. Camb., 2004.
15. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
16. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1996.
17. The Oxford Dictionary of English Etymology / Ed. by C.T. Onions. Oxford, 1976.
18. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М., 2004.
19. Murphy G.L. The Big Book of Concepts. Cambridge, Mass., 2004.